

После нескольких дней тщательного ухода, независимо от его реального состояния внутри, внешне состояние Лу Ваньчэна значительно улучшилось. Линь Цинъюй подумал, что он мог бы попробовать встать с кровати и сделать пару шагов. Лу Ваньчэн послушался его совета, встал и сделал два трудных шага. Он почувствовал слабость в конечностях, и все его тело обмякло. Он откинулся на кровать и с чистой совестью сказал: «В этом мире нет ничего трудного, пока ты готов сдаться. Я решаю сдаться».

Линь Цинъюй спросил его: «Может, ты планируешь пролежать в постели до конца своих оставшихся дней?»

Лу Ваньчэн: «С этим что-то не так?»

Линь Цинъюй: «...Нет. Просто оставайся лежать».

Линь Цинъюй верил в тяжелую работу и упорный труд, но не мог вынести вида полумертвого Лу Ваньчэна. За весь день он ни ногой не ступил в их комнату – с глаз долой, из сердца вон*.

[Примечание: Более буквально: «То, чего не видит глаз, не печалит сердце»]

Это был день первого возвращения невесты в родительский дом.

Линь Цинъюй не хотел признаваться, что он был «невестой», но он действительно скучал по своей семье. Прошло всего несколько дней с тех пор, как он покинул дом, но ему казалось, что прошли годы.

Рано утром Лян Ши отправила управляющего в Павильон Голубого Ветра. Под присмотром управляющего слуги внесли две коробки с подарками, сказав, что мадам разрешила шаоцзюню вернуть их родителям.

Хуа Лу была еще совсем юной и просто сказала то, что было у нее на уме: «Что это? Только две коробки? Мадам приготовила больше подарков, когда замуж вышла служанка».

Управляющий улыбнулся и сказал: «Девушка Хуа Лу не понимает. Количество подарков, которые невеста приносит своим родителям, зависит от того, сколько приданого она принесет, когда выйдет замуж. Шаоцзюнь привез в резиденцию небольшое приданое, поэтому подарки к его возвращению родителям, естественно, тоже невелики».

Это правда. Когда его родители готовили приданое Линь Цинъюй, он решительно потребовал, чтобы его было как можно меньше. Было бы лучше, если бы он вообще ничего не принес. Он не взял ни одного из редких антикварных изделий или драгоценного фарфора, приготовленных его отцом, золотых и серебряных украшений или документов на плодородную землю, приготовленных его матерью. Если принести их в резиденцию Наньань Хоу, это только испачкает вещи резиденции Линь.

Линь Цинюй знал, что его родителям было наплевать на эти простые мирские блага. Они желали только его безопасности и спокойствия. Он сказал: «Нет необходимости даже в этих двух коробках».

Управляющий опешил, подумав, что ослышался: «Слова шаоцзюнь означают...»

«Прибереги их. Пусть мадам использует их на свое усмотрение».

Хотя Хуа Лу еще не вышла замуж, даже она знала, что первое возвращение невесты в родительский дом – это вопрос лица. Она попыталась убедить Линь Цинюй: «Шаоцзюнь, возьмите с собой хоть что-то. Если невеста действительно вернется в родительский дом с пустыми руками, соседи обязательно будут показывать пальцем и сплетничать».

«Разве резиденция Линь уже не является предметом многих сплетен? — Линь Цинюй беспечно сказал: — Пусть сплетничают».

В нынешней династии мужской гомосексуализм был широко распространен. Почти во всех домах высокопоставленных чиновников и знати содержалось несколько наложников. Даже в гареме императора был один или два императорских наложника. Но мужчина оставался мужчиной, неспособным иметь детей, поэтому он не может быть настоящей женой.

Закон Даюй гласит, что мужчина может жениться только на женщине; один муж, одна жена, несколько наложниц. Если бы не спасение жизни Лу Ваньчэна и слова национального учителя, император не пошел бы против установившейся традиции и не даровал брак двум мужчинам.

Линь Цинюй был первым мужчиной, которого император выдал замуж за другого мужчину. Одного этого было достаточно, чтобы вся столица узнала, и маленькая резиденция Линь стала темой праздных разговоров за чашкой чая всех богатых и влиятельных людей столицы.

Внутренне управляющий забеспокоился, но тут Линь Цинюй спросил его: «Карета готова?»

Управляющий откашлялся и сказал: «Все готово. Мадам поручила этому слуге передать шаоцзюню ее слова. Мадам сказала, что молодой хозяин не совсем здоров, а на улице холодно. Она боится, что молодой хозяин может не выдержать подобного. Поэтому молодому хозяину не нужно будет сопровождать шаоцзюня в возвращении в родительский дом».

Линь Цинюй спокойно сказал: «Не волнуйся. Я и не планировал брать его с собой».

Линь Цинюй сел в карету один. Резиденция Наньань Хоу и резиденция Линь были разделены более чем половиной столицы. Поездка туда и обратно заняла бы полдня.

Проезжая улицу Юнсин, Линь Цинюй остановил слугу и сказал: «Подожди здесь».

Улица Юнсин – самая процветающая улица в столице. По обе стороны улицы полно магазинов: лавки шелковых тканей, фарфоровые лавки, винные лавки, чайные домики и т. д. Линь Цинюй зашел в винный магазин и заказал два горшка их вина лучшего качества Нуэр Хун. Затем он отправился в соседний магазин десертов, чтобы купить несколько цзинь* засахаренных фруктов. Домой достаточно принести только это.

[Примечание. Цзинь - традиционная единица веса, эквивалентная примерно 0,5 килограмма]

В резиденции Линь знали, что сегодня Линь Цинюй отправится домой, и их двери были открыты с раннего утра. Когда приблизился час, у ворот дома Линь Цинюй ждали мать Линь, ее маленький сын и юный слуга, следовавший за Цинюй с детства.

Видя, что он скоро приедет домой, Линь Цинюй распахнул окно кареты. Издали он мог видеть маленького ребенка, подпрыгивающего вверх-вниз, размахивающего руками и спешащего к экипажу.

Это был его шестилетний брат Линь Цинхэ.

Впервые за многие дни он смог немного расслабиться.

Линь Цинюй вышел из кареты, и младший брат прыгнул в его объятия.

«Гэгэ!» — Линь Цинхэ был в том возрасте, когда у него выпадали молочные зубы. У него не хватало двух передних зубов, и, когда он говорил, раздавался свистящий звук.

«Молодой господин!» — Его слуга, Хуань Тун, не мог сдержать волнения, как будто его хозяин возвращался не из резиденции Наньань Хоу, а с поля боя.

Линь Цинюй погладил брата по голове и посмотрел на милую даму, стоявшую рядом.

«Мама».

Матушка Линь сказала со слезами на глазах: «Хорошо, что ты вернулся. — Она довольно нервно взглянула на карету. — Молодой мастер Хоу все еще в экипаже?»

Линь Цинюй сказал: «Молодой мастер Хоу лежит в постели, и ему не рекомендуется выходить на улицу. Он сказал, что мы должны считать его мертвым».

Матушка Линь выглядела потрясенной.

«Это...»

Линь Циньюй успокаивающе улыбнулся.

«Давай не будем упоминать других дома. Где отец?»

«Сегодня к нам в гости пришел ученик твоего отца. Он принимает гостя в главном зале».

Линь Циньюй спросил: «Какой ученик?»

Мать Линь сказала: «Тань Цичжи».

Линь Циньюй слегка улыбнулся.

«Он точно знает, как выбрать день».

Как нарочно, выбрал день, когда он должен был вернуться домой.

Семья Тань владела крупнейшей аптекой в столице. Тань Цичжи был одним из внешних учеников отца Линь*. Можно сказать, что у них приятельские отношения. Дружба дружбой, но, если говорить о предпочтениях, Линь Циньюй не желал слишком много общаться с этим человеком. Этот человек всегда принимает желаемое за действительное, чтобы односторонне конкурировать и сравнивать их достижения. Это происходило так часто, что начало действительно раздражать и надоедать. По сравнению с Тань Цичжи даже Лу Ваньчэн показался бы милым.

[Примечание: За воротами; это означает, что он не живет со своим учителем.]

В любом случае, отсутствие Лу Ваньчэна заставило мать Линь вздохнуть с облегчением. Они с мужем скучали только по своему сыну. Если бы их зять тоже приехал, вся их семья чувствовала бы себя скованно.

«Давай не будем стоять у двери, заходи. Мама приготовила твое любимое пирожное „цветущая слива“».

[Примечание: 花甜 — мейхуагао, пирожное «цветущая слива». В составе: мука высшего сорта, сахар, паста адзуки, кусочки красных и зеленых фруктов и другие ингредиенты.]

Линь Циньюй спросил: «Мама сделала его сама?»

Матушка Линь улыбнулась.

«Естественно, как ты можешь есть что-то, приготовленное не мной».

Линь Цинюй слегка улыбнулся. Пронизывающий холод, окружавший его тело, казалось, превратился в порыв весеннего ветерка. Кучер резиденции Хоу был ошеломлен. Неужели это их шаоцзюнь, который игнорировал всех и весь день сохранял ледяной вид?

Как только Линь Цинюй вошел в дверь, то увидел приближающегося Тань Цичжи.

«Цинюй-сюн*, наконец-то ты здесь**!»

[Примечание: 兄 xiōng, 1) старший брат; старший 2) уважаемый друг, глубокоуважаемый (вежливое обращение к сверстнику)]

**Подразумевается, что Линь Цинюй заставил его ждать.]

Тань Цичжи обладал приятной внешностью с темпераментом ученого. На первый взгляд, он выглядел талантливым молодым человеком.

Линь Цинюй небрежно кивнул Тань Цичжи, а затем поклонился в семейном приветствии мужчине, сидевшему на главном сиденье.

«Отец».

Отец Линь был сдержаннее матери Линь, которая открыто показывала счастье на лице. Тень его чувств мелькнула только в его глазах.

«Ты вернулся».

Тань Цичжи выглянул за дверь и спросил: «Почему ты один? Где молодой мастер Хоу?»

Линь Цинюй равнодушно сказал: «Он не пришел».

Тань Цичжи был удивлен: «Я никогда не видел, чтобы невеста возвращалась в родительский дом без мужа».

«Да? Ну, теперь ты это видел».

Отец Линь вдумчиво сказал: «Я думаю, что молодой мастер Хоу еще не оправился от болезни. Ему не рекомендуется выходить на улицу».

Даже если он все еще болен и ему не следует выходить на улицу, почему нет даже письма вежливости*?

[Примечание: Письмо, когда вы идете к кому-то в гости.]

Тань Цичжи беззастенчиво смерил взглядом Линь Цинюй. Сегодня тот был одет в простую белую одежду. Линь Цинюй уже был от природы худым, с легким ветерком, струящимся в рукавах*, и тонкой талией, как будто стянутой ремнем**. Красота есть красота, но его внешность была слишком ослепительной. Супруга-мужчина, поставленная так высоко***, как его муж мог благосклонно относиться к нему?

[Примечание: *Первоначально использовалось для описания почерка, а теперь используется для описания внешности человека. Кто-то высокий и красивый, непредубежденный, равнодушный к славе и богатству, живущий уединенной жизнью вдали от земной пыли. Короче говоря, аскетически красив.

**Преувеличенное описание стройной фигуры, обычно женщины.

***Отчужденный и отстраненный.]

Он почти понял, почему Линь «Потрясающе красивый» Цинюй не смог завоевать благосклонность мужа и его семьи.

Тань Цичжи сказал с улыбкой: «Цинюй-сюн, по-прежнему великолепен, как и всегда. Его красота не уступит ни одной женщине. Однако теперь ты принадлежишь молодому господину резиденции Хоу. Почему ты все еще так просто одеваешься?»

Линь Цинюй окинул взглядом Тань Цичжи.

«Естественно, я не могу сравниться с Тань-сюн. На Тань-сюн ярко-фиолетовая одежда и даже дорогое украшение на талии. Кто может больше походить на супругу-мужчину из богатой семьи, чем ты?»

Лицо Тань Цичжи исказилось, но он быстро пришел в себя.

«Цинюй-сюн шутит. Но, говоря о богатых семьях... Что насчет подарков Цинюй-сюн к его возвращению? Быстрее доставай их и покажи своему брату богатство благородного дома».

Линь Цинюй поднял два горшка Нуэр Хуна.

«Вот».

Когда отец Линь увидел это, то улыбнулся сыну.

Тань Цичжи уставился на него.

«Это... только это?»

Даже если Линь Цинюй впал в немилость, он все еще был законной супругой-мужчиной резиденции Хоу. Как подарки в первый визит родителям новобрачной могут быть такими убогими?

«Еще есть несколько цзинь засахаренных фруктов, — легкомысленно сказал Линь Цинюй. — Тань-сюн, не хочешь попробовать?»

Линь Цинхэ услышал о засахаренных фруктах и взволнованно сказал: «Я хочу засахаренные фрукты. Спасибо, гэгэ».

Тань Цичжи шутливым тоном сказал: «Может быть, Цинюй-сюн спрятал все хорошее и не хочет отдавать это Учителю и его жене?»

Отец Линь сказал: «Я думаю, что эти подарки уже очень хороши. Мадам, пожалуйста, возьмите вино и подогрейте его. Цинюй, Цичжи и я выпьем немного позже».

Тань Цичжи смущенно сказал: «Учитель, я боюсь, что это не соответствует обычаям».

Отец Линь спросил: «Каким обычаям?»

Тань Цичжи, казалось, не хотел этого говорить: «Цинюй-сюн - супруга-мужчина. Как он может пить за одним столом со мной, посторонним мужчиной?»

[Примечание: Мужчина, который не является частью его семьи.]

Лицо отца Линь помрачнело. Несмотря на то, что у его старшего сына было поразительно красивое лицо, и он стал супругой-мужчиной в благородной семье, отец Линь все еще считал его благородным достойным мужчиной. Но другие могут думать иначе. В резиденции Наньань Хоу были строгие правила. Могла ли супруга-мужчина видеть постороннего мужчину - уже спорный вопрос, не говоря уже о том, чтобы пить за одним столом.

«Это, безусловно, не соответствует обычаям. — Линь Цинюй казался спокойным и невозмутимым, но он уже думал о том, какой яд был бы достоин рта Тань Цичжи: — Тогда Тань-сюн, почему ты все еще здесь? Будь осторожен, мы не будем провожать тебя».

Тань Цичжи был слишком удивлен, чтобы вымолвить хоть слово. Он еще не видел хорошего шоу и пока не хотел уходить. Он сухо улыбнулся и сказал: «По правде говоря, помимо выражения почтения Учителю у меня есть еще одна просьба...»

Прежде чем он успел договорить, внезапно появившийся управляющий поспешно доложил: «Господин, мадам, ваш достопочтенный зять здесь!»

Линь Цинюй холодно сказал: «Какой достопочтенный зять? Что за чушь?»

«Это молодой мастер Хоу! — сказал следующий за управляющим Хуань Тун. — Молодой мастер Хоу из резиденции Наньань Хоу здесь!»

В такой час Лу Ваньчэн встал с постели? Зачем он пришел в резиденцию Линь?

Линь Цинюй чуть успокоился.

«Я пойду посмотрю».

Отец Линь торжественно сказал: «Мы тоже пойдем».

В конце концов, Лу Ваньчэн – человек благородного статуса из знатной семьи. Если они не выйдут поприветствовать его и оскорбят этим, а новость об этом будет передана в резиденцию Наньань Хоу злонамеренными сплетниками, то ситуация Линь Цинюя станет еще более сложной.

Тань Цичжи закатил глаза и последовал за ними.

Как только Линь Цинюй вошел во двор, то увидел Лу Ваньчэна, сидящего в инвалидном кресле, которое толкал слуга-мужчина.

Эти двое встретились взглядами.

Лу Ваньчэн изогнул губы и улыбнулся. Конечно же, он выглядел как скромный джентльмен, сделанный из орхидей и нефритовых деревьев*.

«Цинюй, ты вернулся в резиденцию Линь, но не взял меня с собой».

[Примечание: 芝蘭玉樹 zhīlán yùshù душистые травы, прекрасные деревья. Обр. в знач.: молодое поколение; прекрасная молодёжь; хорошие сыновья и братья. Ребенок с прекрасными перспективами на будущее.]

Увидев выражение лица Линь Цинъюй, он понизил голос и сказал: «В чем дело? Почему ты снова злишься... Как ты можешь все еще злиться в своем собственном доме?»

За последние несколько дней лицо Лу Ваньчэна немного порозовело. Но цвет его лица все еще был бледнее, чем у обычных людей. В руках он держал изящный обогреватель для рук. На нем были тёмно-красная одежда и подбитый мехом плащ, а на коленях лежала накидка из белоснежного лисьего меха. И все же он не выглядел неповоротливым и раздутым. Напротив, он казался красивым и роскошным. Его безупречная внешность и благородный характер стали еще более очевидными.

Когда Лу Ваньчэн лежал парализованный на кровати, то выглядел точь-в-точь как соленая рыба. Встав с постели... он стал человеком, ведущим себя, как собака*.

[Примечание: Напускающий на себя вид, элегантно одетый человек невысокой нравственности. Обр. внешний облик или поведение не соответствует реальности, выдавать себя (за кого-л), притворяться.]

Линь Цинъюй не успел ничего сказать, вышли его родители. Лу Ваньчэн взглянул на слугу позади него, и сообразительный юноша понял намек. Он взял обогреватель и лисий мех в одну руку, а другой помог господину подняться. Как только Лу Ваньчэн твердо встал на ноги, он поклонился отцу и матери Линь, сказав: «Приветствую тестя и тещу. Ваш зять опоздал».

Достойная осанка и изящные манеры, подобающие ситуации, – он держался именно так, как и подобает благородному сыну.

Линь Цинхэ спрятался за спину брата, уставившись на Лу Ваньчэна широко раскрытыми глазами.

«Гэгэ, этот человек очень хорош собой».

Линь Цинъюй холодно смотрел на Лу Ваньчэна.

«Это обманчивое впечатление».

Отец Линь сказал: «Нет необходимости быть вежливым, молодой мастер Хоу. Вы нездоровы, пожалуйте, сядьте».

Лу Ваньчэн вернулся в инвалидное кресло, его взгляд упал на Тань Цичжи.

«А это?»

«Приветствую вас, молодой мастер Хоу. — Тань Цичжи выступил вперед и почтительно сказал:

— Я Тань Цичжи, ученик Линь Юань Пана*. Моя семья управляет аптекой „Неизменно блестящих и гармоничных лекарств“ в столице».

[Примечание: Это отец Линь. Юань Пан - это его официальное звание главы Императорской лечебницы.]

Губы Лу Ваньчэна изогнулись в легкой улыбке.

«А? Неизменно гармоничных и каких?»

Тань Цичжи поспешно сказал: «Неизменно блестящих и гармоничных».

Лу Ваньчэн снова спросил: «Каких блестящих и гармоничных?»

У Тань Цичжи было смутное ощущение, что с ним играют. Однако личность его собеседника необычна, поэтому как бы он с ним ни играли, он мог только широко улыбаться и снова отвечать: «Неизменно блестящих и гармоничных».

«Неизменно блестящих и каких?»

...Эти «что и каких» все повторялись.

Линь Циньюй прервал их обоих: «Ветер здесь холодный. Отец, мать, идите в дом. Вы можете оставить молодого мастера Хоу мне».

Матушка Линь протянула руку к Линь Цинхэ.

«Цинхэ, хватит хвостом ходить за старшим братом. Иди к маме».

Когда его родители ушли, Линь Циньюй тихо спросил Лу Ваньчэна: «Ты принял не то лекарство*?»

[Примечание: Т.е. «Ты что, с ума сошел? Что на тебя нашло?»]

Разговаривая с Линь Циньюй наедине, Лу Ваньчэн перестал притворяться. Его брови медленно опустились, и на лице появилось усталое выражение.

«Я здесь, чтобы поддержать вас, лекарь Линь».

«Мне это не нужно. — Когда происходит что-то необычное, это означает, что должно

происходить что-то подозрительное. Линь Цинюй нахмурился. — Обычно ты не встаешь в это время».

Лу Ваньчэн улыбнулся: «Это верно. Мне пришлось сильно постараться, прежде чем я смог успешно встать с постели. Я сделал это, чтобы отплатить за лечение и иглоукалывание. Как тебе? Ты растроган?»

Линь Цинюй сказал холодным тоном: «Нет».

Лу Ваньчэн поднял брови.

«Тогда мне уйти?»

Линь Цинюй на мгновение задумался и сказал: «Ну, ты должен найти предлог, чтобы вернуться в резиденцию Хоу».

Лу Ваньчэн поперхнулся и внезапно почувствовал, что попытки стать популярным в этом мире — это пустая трата времени.

«Бро... Это уже слишком».

Автору есть что сказать:

Гун соленая рыба: О Небеса, я вообще-то рано встал для него...

Переводчику есть что сказать:

ессо: «Сделан из орхидей и нефритовых деревьев» звучит просто восхитительно! Обожаю образность китайского языка.

<http://bllate.org/book/15122/1336623>